

БОГУ

КРАСОТА ЖИЗНИ

Тамиллы Абдуллаевой, Вагифа Мастанова, Руми,
Эриха Пуммера, Фикрета Амирова

№6 (92) НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2022
22011

4 620007 140019

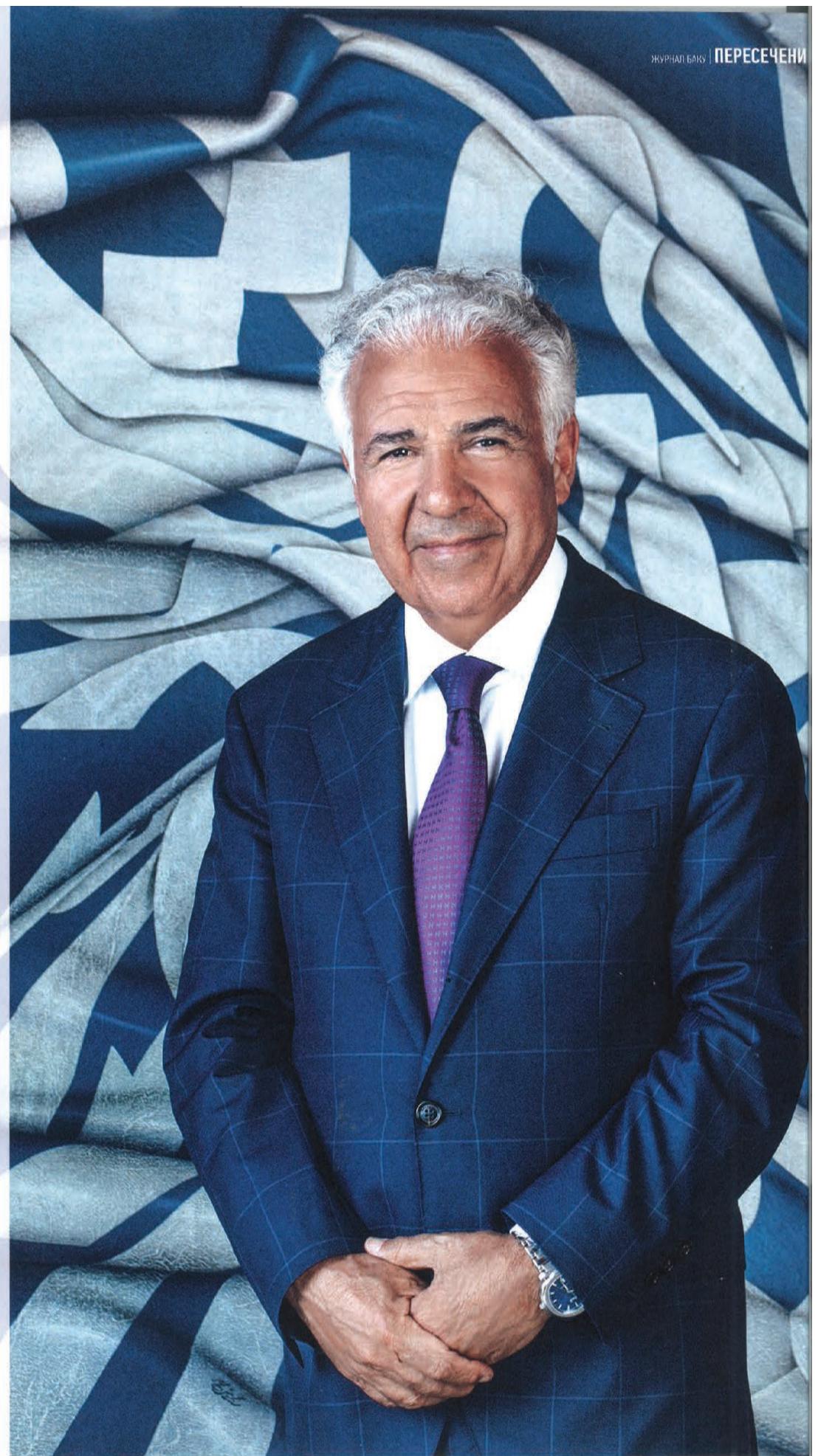
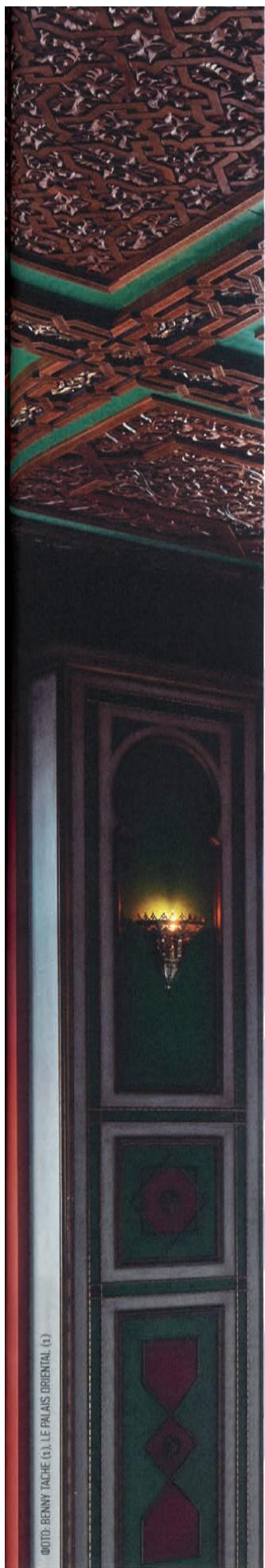

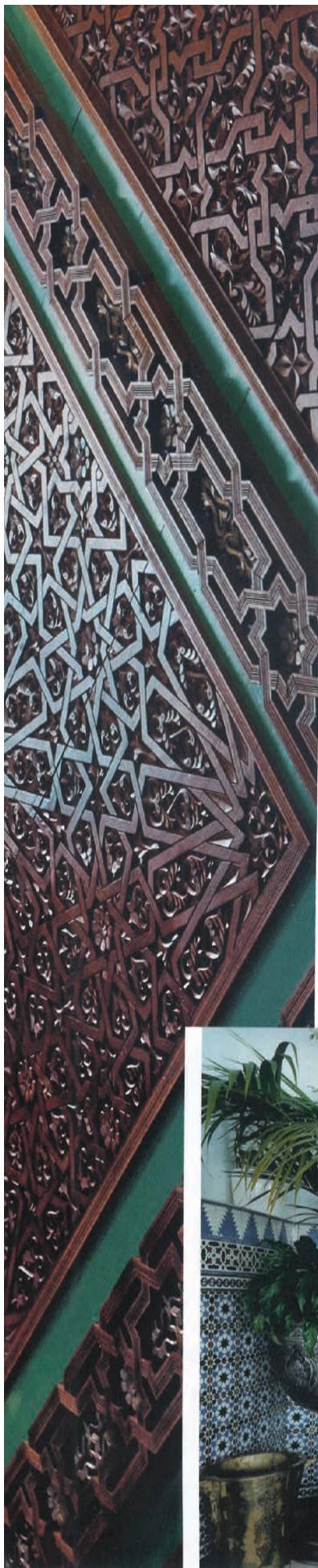
ЧТО ОСТАЕТСЯ ПОСЛЕ НАС

ВОТ УЖЕ 35 ЛЕТ ШАХРИЯР ГАРИБИ,
ИРАНСКИЙ РЕСТОРАТОР
В ШВЕЙЦАРСКОМ МОНТРЕ, ВСТРЕЧАЕТ
ГОСТЕЙ У ВХОДА В НЕИЗМЕННОМ
КОСТЮМЕ И БЕЛОСНЕЖНОЙ РУБАШКЕ
С ЗОЛОТЫМИ ЗАПОНКАМИ.

ПРОВОДИТ ВНУТРЬ, ПРИВЫЧНО УЛЫБАЕТСЯ
ИХ ВОСХИЩЕНИЮ РУКОТВОРНОЙ
ВОСТОЧНОЙ СКАЗКОЙ. В PALAIS
ORIENTAL С ЕДЫ НАЧИНАЕТСЯ ПУТЕШЕСТВИЕ
В КРАЙ, О КОТОРОМ В ШВЕЙЦАРИИ
ЗНАЮТ ТОЛЬКО ПОНАСЛЫШКЕ.

Текст:
ЕЛЕНА ГОЛОВАНОВА

B

Монгрё столько всего нужно охватить взглядом! Обла-ка сегодня плывут низко над озером – еще чуть-чуть, и прилягут на воду. На одной из альпийских вершин, укутанной серой пуховой шалью, происходит не-видимая буря, а здесь, внизу, спокойно. Мчится поезд, поднимает волну кораб-лик (поравнявшись, они обмениваются густыми протяжными гудками), тянутся наверх кабинки фуникулера; по дорожке вдоль озера бегут и едут на велосипедах. Откуда-то с неба спускаются, скользя по воздушным потокам, парапланы; лебеди покачиваются на воде. Всё это миро-устройство хочется долго рассматривать, открывая для себя все новые детали.

На набережной среди палас-отелей и аристократических вилл обращает на себя внимание чудное маленькое здание с башенками, михрабами, светящимися за решетками-шебеке окнами. Среди своих статных соседей оно похоже на эк-

зотическую игрушку. Это и есть ресторан Palais Oriental – оазис другого мира и вос-точного гостеприимства на берегу Же-невского озера. То, что за 35 лет создал здесь его владелец Шахрияр Гариби, тоже невозможно сразу охватить взглядом.

ДОРОГА К ДОМУ

Он родился в Иране, на берегу Каспий- ского моря, в семье, которая занималась добычей черной икры. У Шахрияра было 11 братьев и сестер – понятно, почему об учебе в университете можно было только мечтать. Юноша отправился в Тегеран и нашел работу в гостинице.

– В 1970-е Иран переживал настоя-щий расцвет, – вспоминает Шахрияр. – В стране с 35-миллионным населением жило четыре миллиона иностранцев; отелей и ресторанов не хватало. И госу-дарство отправило меня учиться гости-ничному бизнесу в Лондон. Вернувшись, я начал собственный бизнес. Вообразите, мне не было и 22 лет! Я открыл ресторан в Тегеране, потом государство предло-жило мне взять в управление ресторан на горнолыжном курорте в 60 километрах от города. Всё складывалось потрясающе удачно: за очень короткое время я стал владельцем трех бизнесов...

– Это потому что вы были таким та-лантливым?

– Просто я трудяга. Всю жизнь был трудягой. В этом смысле мы со швейца-рцами очень совпадли.

Когда Шахрияру было 25, на горнолыжном курорте он познакомился с Терезой – швейцарской немкой, работавшей в посольстве в Тегеране. Этой любви было суждено прорасти на фоне иранской революции 1979 года. Жизнь изменилась, министерство перевело Терезу во Францию, и Шахрияр, оставив всё, последовал за ней. В Париже, к счастью, он быстро нашел себе новое применение.

– Это было самое великолепное здание на Елисейских Полях напротив Galerie du Claridge. Оно называлось Maison de l'Iran – «Иранский дом». Когда люди перешагивали порог, у них разбегались глаза: роскошные интерьеры, произведения искусства, ковры... Парижане приходили туда есть икру. Два года я отвечал в ресторане за еду и икру, и это был бесценный опыт.

Дальше служба потребовала от Терезы вернуться в Швейцарию, и пара опять поменяла страну.

– Сначала я думал, что Швейцария не для меня, – я мечтал открыть ресторан в Париже. Но все же приехал посмотреть, что тут и как. И по многим причинам мы остались.

Спустя несколько лет, за которые Шахрияр окончил университет и выучил французский и немецкий языки, случилась еще одна встреча, определившая жизнь. Они с Терезой приехали отдохнуть в Монтрё, шли по набережной Альсерме и заметили это странное здание. Конечно, тогда оно выглядело не так, как сейчас. Построенное в конце XIX века для экстравагантного графа де Луже, в 1986 году оно пришло в глубокое запустение и в очередной раз продавалось. Зайдя внутрь, Шахрияр увидел остатки роскошных магрибских интерьеров (последними владельцами была французско-алжирская пара). Сердце подсказало ему, что это то самое место.

БЕСЕДА КАК ПЛЕТЕНИЕ КОВРА

Мсье Гариби, как его называют здесь все от мала до велика, от официантов до самых именитых посетителей, все время с гостями – в этом, вероятно, и состоит самое очевидное отличие восточно-го гостеприимства от западного. Он не присаживается за их столики, как бы те ни настаивали, а проводит весь вечер на ногах – и в разговорах. В Palais Oriental возвращаются не только ради табуле и долмы, лабне с фатушем, и пловов, и кебабов, и баклавы с шафрановым мо-

роженым, но и ради того, чтобы снова встретиться с мсье Гариби.

– На 80 % моя профессия состоит из общения, – говорит он. – Я люблю беседовать с людьми. Каждый день я здесь допоздна, встречаю по 300–400 человек разных национальностей.

– Но как вы находитте темы для общения с каждым?

И он начинает перечислять цифры и проценты. К слову о статистике: согласно ей, здание Palais Oriental – вторая по популярности среди фотографов достопримечательность Монтрё после средневекового Шильонского замка (забавное свидетельство тому – спонтанная фотосессия 1964 года группы Rolling Stones на фоне будущего Palais Oriental). ►

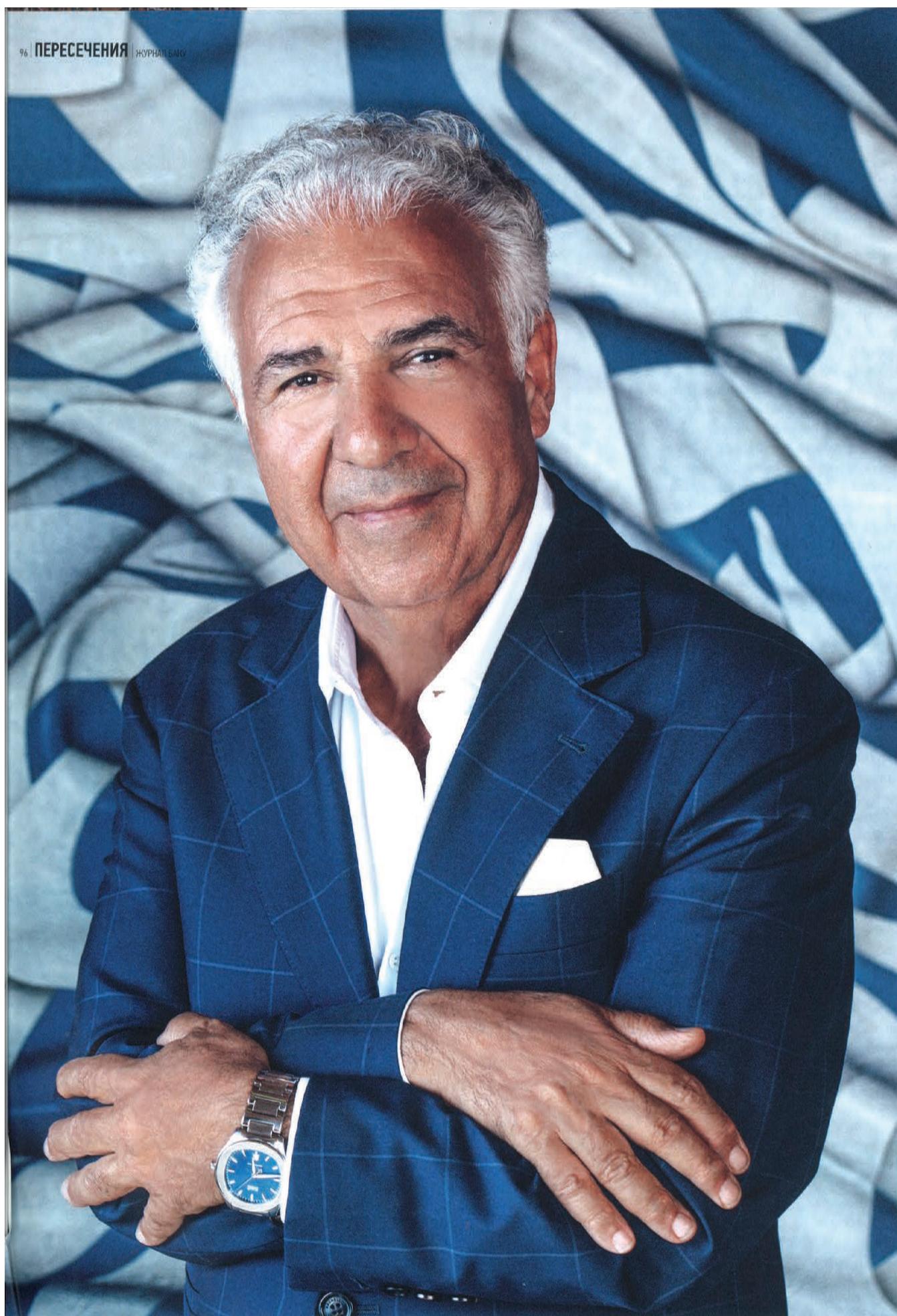
– Просто я очень любопытный. Мне всё интересно. Вот, например, в случае с тем молодым человеком, – Шахрияр показывает глазами на столик неподалеку, – мне показалось, что он иранец, и я сказал ему на фарси «здравствуйте». Он ответил «здравствуйте», но добавил, что это всё, что он знает на фарси. И рассказал, что его отец иранец, но сам он жив в Лондоне, а недавно перевез свою компанию из Англии в Швейцарию. Или вон та леди – она из Невшателя, работает в компании, которая составляет ежегодный отчет по швейцарской статистике. Когда она бывает в Монтрё, всегда привозит его мне – знает, что я интересуюсь. Вот вы знаете, что больше всего экспортирует Швейцария?

– Сыры? Шоколад?

– Они даже не входят в десятку. В первой тройке – лекарства, микросхемы и огнеупорная ткань: из нее шьют одежду для пожарных.

НА 80 % МОЯ ПРОФЕССИЯ СОСТОИТ ИЗ ОБЩЕНИЯ, А Я ОЧЕНЬ ЛЮБОПЫТНЫЙ И ЛЮБЛЮ БЕСЕДОВАТЬ С ЛЮДЬМИ

Если гость проявляет искренний интерес к восточной культуре, глаза Шахрияра загораются. Однажды он спросил Леди Гагу, знает ли она Омара Хайяма. Звезда ответила: «Знаю ли я Омара Хайяма? Еще спросите, знали ли я Умм Кульсум (арабская певица середины XX века, исполнявшая, в частности, музыкальные произведения на рубаи Хайяма. – БАКУ). С такими гостями хозяин беседует подолгу, рассказывает про Иран, цитирует любимые строфы из Саади, Хафиза, Руми, иногда достает сет для каллиграфии и выводит пером точеную стихотворную вязь. А после приглашает на второй этаж своего дворца – в сокровищницу, где хранятся шелковые ковры.

Шахрияра Гарibi навсегда очаровал Maison de l'Iran на Елисейских Полях, и в собственном ресторане он решил создать похожую атмосферу. Здесь есть комната для дегустации белужьей, осетровой и севрюжьей икры (пригодились с детства полученные знания); за каспийским «черным золотом» к нему приезжают мишленовские шефы со всей Швейцарии и Франции. Рядом – галерея работ иранских художников: каждого из них Шахрияр знает лично, каждую работу выбрал сам (хотя за искусствоведческую экспертизу отвечает коллега Анн-Мари, много лет прослужившая культурным атташе Швейцарии в Лондоне, Нью-Йорке и Париже).

– Художник создает произведение, и многие люди смотрят на него. Может быть, он не умеет говорить, не знает маркетинга, но он создатель, он тонко чувствует мир, и мы должны ценить это.

Мы останавливаемся возле серии картин, на которых в сложную абстрактную композицию вплетены фразы на фарси. Шахрияр переводит: «Любовь – это не то, что мы знаем, и не то, что мы думаем. Состояние любви – как объятие бога. Я еще не родился, но ты уже была в моем сердце. Что остается после нас? Любовь и доброта».

Кажется, что подобное пространство, напоенное духом далекой родины, может появиться прежде всего из ностальгии. Но Шахрияр качает головой – он не про ностальгию, а про созидание.

– Хорошо там, где твое сердце в покое. Природа, небо над головой, еда – если всё это есть, ты должен быть счастлив. Каждое утро я иду сюда вдоль берега, иногда купаюсь – разве это не прекрасно? Когда живешь у воды, будь то Каспийское море или Женевское озеро, сердце пребывает в покое.

ВОДА И ВРЕМЯ

За 35 лет Шахрияр Гарibi и сам стал в Монтрё известным персонажем, свидетелем истории города и ее участником – а история эта, поверьте, не из скромных. Всего в паре кварталов от Palais Oriental в отеле Montreux Palace 16 лет жил Влади-

мир Набоков – приехал сюда после оглушительного успеха «Лолиты», обрел покой озера и альпийские луга, полные бабочек. Шахрияр Набокова не застал, а вот с его вдовой был знаком, как и с сыном Дмитрием, прожившим здесь всю жизнь. В Монтрё провел свои последние годы и другой великий писатель, англичанин Грэм Грин.

– И Фредди Меркьюри! – вспоминаю я об еще одном знаменитом жителе городка.

– Конечно, я знал Фредди, он же тоже был иранец. Даже бывал у него дома, но из-за его образа жизни мы никогда не были близки.

Шахрияр замолкает и смотрит на воду Женевского озера, которая на глазах меняет цвет с голубого на сине-стальной – с Альп спускается непогода. В ресторане зажигают магрибские светильники, и их разноцветные отблески раскрашивают хмурый день.

– Раньше Монтрё был очень элегантным, – говорит Шахрияр.

– Он и сейчас элегантный, разве нет?

– О, далеко не так, как раньше. Но я стараюсь держать планку.

В этот момент на террасе появляются люди. Шахрияр Гарibi поднимается, направляет и без того безупречный воротничок и идет встречать новых гостей. ♦

